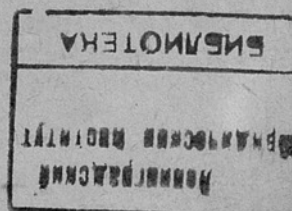

Профессор М. М. ИСАЕВ

У К А З Ы
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
от 4 июня 1947 года

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ХИЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА
и
ОБ УСИЛЕНИИ ОХРАНЫ ЛИЧНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН

Под редакцией проф. Б. С. УТЕВСКОГО

С176Г7

ВВЕДЕНИЕ

Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. об усилении уголовной ответственности за посягательства на социалистическую и личную собственность являются историческими этапами в развитии советского уголовного права.

Эти Указы направлены на всемерную охрану социалистической собственности, как экономической основы советского строя, они всемерно охраняют и личную собственность советских граждан, в соответствии с Конституцией СССР. Эти Указы объявляют беспощадную войну пережиткам капитализма, они борются за нового советского человека, которому должна быть чужда психология капиталистического мира.

Указы от 4 июня 1947 г. внесли существенные изменения в постановления советского уголовного права, касающиеся охраны социалистической и личной собственности. Соответственно должны быть внесены изменения и в теоретические работы по советскому уголовному праву. Разделы учебника по Особенной части уголовного права, изданного Всесоюзным институтом юридических наук (изд. 3-е, 1943 г.), излагающие «посягательства на социалистическую собственность» и «имущественные преступления», в значительной мере устарели. Указы внесли изменения и в самую систему Особенной части советского уголовного права.

Считая необходимым дать заочникам пособие по изучению Указов от 4 июня 1947 г. в сопоставлении с действовавшими до них уголовно-правовыми нормами, кафедра уголовного права ВЮЗИ сочла необходимым составить научный к ним комментарий. В качестве приложения дается текст упомянутых Указов и руководящие постановления Пленума Верховного суда СССР о порядке применения судами Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХИЩЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ

а) Цели издания Указа от 4 июня 1947 г.

Товарищ Сталин в докладе «О хозяйственном положении Советского Союза» указывал на необходимость самой решительной борьбы с воровством. «Вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под интересы народного хозяйства, — говорил товарищ Сталин, — есть тот же шпион и предатель, если не хуже...»¹.

В докладе «Итоги первой пятилетки» на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. товарищ Сталин указал на необходимость самой энергичной борьбы с расхитителями социалистической собственности. «Допускать воровство и хищение общественной собственности, — говорил товарищ Сталин, — ...и проходить мимо подобных контрреволюционных безобразий, — значит содействовать подрыву советского строя, опирающегося на общественную собственность, как на свою базу»². Останавливаясь в этом докладе на задачах революционной законности на предстоящий период времени, товарищ Сталин указал, что «Основная забота революционной законности в наше время состоит следовательно в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом». И далее: «...борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и всеми средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами Советской власти, — является одной из основных задач партии».

К концу первой пятилетки остатки бывших эксплуататорских классов организовали массовое хищение социалистического имущества. Потребовалось издание закона, который со всей мощью обеспечил бы охрану социалистической собственности. Необходимо было вместе с тем подчеркнуть все значе-

¹ Сталин. О хозяйственном положении Советского Союза, 1937, стр. 16—17.

² Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 393.

ние социалистической собственности как экономической основы Советского государства. «Если капиталисты провозгласили частную собственность священной и неприкосновенной ...— сказал товарищ Сталин, имея в виду Декларацию прав человека и гражданина 1789 г., — то мы, коммунисты, тем более должны провозгласить общественную собственность священной и неприкосновенной, чтобы закрепить тем самым новые социалистические формы хозяйства во всех областях производства и торговли»¹.

Этот принцип, провозглашенный в вводной части закона от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», сформулирован и в Конституции СССР (ст. 131).

Закон от 7 августа 1932 г. не устранял, а дополнял действие статей уголовных кодексов союзных республик, карающих за кражу, растрату и другие корыстные посягательства на социалистическое имущество. В частности, сохранялись и постановления о так называемой мелкой фабрично-заводской краже материалов и инструментов (на сумму до 50 руб.), принадлежащих государственному или общественному предприятию или учреждению. Эти кражи были подсудны не общим судам, а товарищескому суду и влекли за собой такие взыскания, как предостережение, общественное порицание, возложение обязанности возместить вред, возбуждение перед администрацией вопроса об увольнении и, наконец, возбуждение в профессиональных органах вопроса об исключении виновного из профсоюза на определенный срок. Осуждение за кражу товарищеским судом не создавало судимости, и кража считалась не преступлением, а «проступком».

Незначительная санкция, установленная законом за кражу на производстве, не могла в достаточной степени воздействовать на мелких расхитителей социалистической собственности. Почти полная безнаказанность виновных отрицательно отражалась и на общей трудовой дисциплине. Президиум Верховного Совета СССР издал поэтому 10 августа 1940 г. Указ, согласно которому мелкая кража из предприятий и учреждений, совершенная на предприятии или в учреждении, не зависимо от ее размеров, каралась тюремным заключением сроком на один год, если эта кража по своему характеру не влекла по закону более тяжкого наказания (ст. 162 п. «е» УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Закон от 7 августа 1932 г. и Указ от 10 августа 1940 г. являлись союзными законами. Наряду с ними действовали

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 393.

нормы УК союзных республик, не согласованные с союзными нормами.

Так, ст. 162 п. «д» УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик предусматривали кражу из государственных и общественных складов и хранилищ «при особо крупных размерах похищенного». В судебной практике были колебания по вопросу о применении к такого рода кражам закона от 7 августа 1932 г. Еще резче давало себя чувствовать различие в санкциях за кражу социалистического имущества, установленных в отдельных советских уголовных кодексах. Так, если кража из государственных и общественных складов, совершенная путем применения технических средств или по сговору с другими лицами иди неоднократно, по ст. 162 п. «г» УК РСФСР каралась лишением свободы до двух лет или исправительно-трудовыми работами до одного года, то такого рода кража каралась по УК Грузинской, Туркменской ССР — лишением свободы до 5 лет, по УК Белорусской ССР — лишением свободы от 6 месяцев до 10 лет.

Кража, предусмотренная п. «д» ст. 162 УК РСФСР, т. е. совершенная из государственных и общественных хранилищ и складов лицом, имевшим специальный доступ в эти склады или их охранявшим, путем сговора с другими лицами, или неоднократно, а равно всякая кража из тех же складов и хранилищ при особо крупных размерах похищенного каралась по УК РСФСР лишением свободы на срок до 5 лет. В УК Украинской, Узбекской, Туркменской ССР она каралась лишением свободы до 10 лет, а в УК Белорусской ССР — лишением свободы от 3 до 10 лет.

Несо согласованность советского уголовного законодательства сказывалась и в следующем. Если Указ от 10 августа 1940 г. карал за мелкую кражу на производстве тюремным заключением сроком на один год (абсолютно определенная санкция), то санкции за растрату социалистического имущества были относительно определенными и указывали только максимум лишения свободы, различный в УК отдельных союзных республик, что влекло за собой на практике более легкую репрессию за растрату, тогда как в смысле ущерба, наносимого социалистической собственности, различия не было. Разнойой был и в том, что в то время как по УК РСФСР и УК четырех других союзных республик субъектом «должностной» растраты могло быть всякое лицо, у которого это имущество находилось в силу какого-либо поручения (ст. 116 УК РСФСР), по УК Украинской, Белорусской, Узбекской и Таджикской ССР субъектом «простой» растраты могло быть лишь должностное лицо.

Указ от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и был издан, как это подчеркивается в самом Указе, «в целях

установления единства законодательства об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Наряду с целью установления единства в уголовном законодательстве Указ от 4 июня ставит своей целью, как это подчеркивается и в самом Указе, «усиление борьбы с этими преступлениями». Усиление, вполне оправдываемое тем, что в условиях победившего социализма, при предоставленной каждому советскому гражданину возможности честно трудиться и получать оплату по труду, совершенно нетерпим паразитический способ добывания средств за счет социалистического имущества, глубоко враждебный социалистическому строю и подрывающий его экономическую основу. Как указывает передовая статья в «Социалистической законности», «особенное значение приобретает вопрос об охране социалистической собственности сейчас, в послевоенных условиях, когда Советское государство направляет каждую копейку, каждый килограмм металла, угля, каждый литр горючего на дело быстрого восстановления и развития народного хозяйства»¹.

б) Общий состав хищения социалистического имущества

Объектом хищения является социалистическая собственность. Действовавшее до Указа от 4 июня 1947 г. советское уголовное законодательство устанавливало одинаковую ответственность за хищение как государственного, так и общественного имущества. Указ от 4 июня различает хищение государственного имущества (ст. ст. 1 и 2 Указа) и хищение «колхозного, кооперативного или иного общественного имущества» (ст. ст. 3 и 4 Указа). За хищение государственного имущества устанавливается более строгое наказание, чем за хищение общественного имущества. Этим подчеркивается значение государственного имущества как всенародного достояния по сравнению с общественным имуществом, являющимся достоянием отдельных колхозов, кооперативов и других общественных организаций. Но поскольку и общественная собственность является социалистической, хищение ее карается строже, чем хищение личной собственности. Одинаково карается недонесение о хищении государственного и общественного имущества (ст. 5 Указа). Карается по Указу «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и хищение имущества, составляющего личную собственность граждан, во всех случаях, когда оно находится в ведении государственных или общественных учреждений и предприятий (например, грузы, почтовые посылки, вещи, сданные в ломбард, и т. п.). Объектом хищения является имущество как в смысле вещи, так и имущественных прав. Совершенно неверным яв-

¹ «Социалистическая законность», 1947, № 8.

ляется утверждение проф. Дурманова, что похищаемое имущество должно заведомо для похитителя обладать материальной ценностью. «Похищение предметов, заведомо для похитителя не обладающих никакой материальной ценностью, не образует состава кражи», пишет проф. Дурманов¹.

Нельзя обуславливать наличие или отсутствие состава хищения субъективным критерием, оценкой самого похитителя. Единственно правильным является лишь объективный критерий. Так, и прежняя практика не усмотрела мелкой кражи с производства в действиях работницы, взявшей для своих детей обрезки картона, которые обычно бросаются в мусор. Не была усмотрена кража в действиях рабочего, собравшего остатки краски из жестяной посуды, выброшенной за ее использованием. Субъективно, в обоих случаях обрезки картона, остатки краски представляли, несомненно, материальную ценность для работницы и рабочего, но объективно они не имели никакой материальной ценности. Объективная сторона хищения заключается в следующем. Указ от 4 июня предусматривает не все посягательства против социалистической собственности, а лишь «хищения» ее. О «хищении» говорил и закон 7 августа 1932 г., поясняя в скобках это понятие, как «воровство». Но закон 7 августа применялся не только в случаях кражи социалистического имущества. Хищение могло быть совершено и путем присвоения и растраты путем мошенничества, путем грабежа и разбоя. Указ от 4 июня говорит о «краже, присвоении, растрате или ином хищении» государственного и общественного имущества. Другими словами, Указ от 4 июня 1947 г. предусматривает все возможные виды преступного приобретения государственного и общественного имущества.

Понятие кражи по Указам от 4 июня 1947 г. конструируется иначе, чем это было по УК союзных республик. Указ от 4 июня «Об усилении охраны личной собственности граждан» определяет кражу как «тайное или открытое похищение личного имущества граждан». В этом смысле следует понимать и кражу социалистического имущества.

Само понятие присвоения и растраты осталось тем же, что и по действовавшему до Указов от 4 июня уголовному праву.

Кража и присвоение (растрата) социалистического имущества являются наиболее часто встречающимся в практике преступным способом приобретения социалистического имущества. Но Указ предусматривает возможность и «иного» хищения социалистического имущества. Хищение может быть совершено и путем мошенничества. (Понятие мошенничества дано в УК союзных республик).

Возможно хищение социалистического имущества и путем

¹ Дурманов. Наказуемость хищения государственного и общественного имущества, кражи личного имущества и разбоя по Указам от 4 июня 1947 г. «Социалистическая законность», 1947, № 10.

насильственного похищения его. До Указов от 4 июня 1947 г. советское уголовное право относилось к насильственному похищению грабеж с насилием и разбой. Указ от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» определяет разбой как «нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием или с угрозой применения насилия».

Таким образом, Указы от 4 июня 1947 г. упраздняют понятие грабежа. Грабеж без насилия рассматривается как кража, грабеж с насилием — как разбой. Под понятие «хищения» подойдет приобретение социалистического имущества путем вымогательства (понятие вымогательства дается в ст. 174 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик). Наконец, хищение может быть совершено и при помощи злоупотребления или превышения власти, без подлога или с применением подлога документов (ст. ст. 109, 110 и 120 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

По Указу от 4 июня 1947 г. за корыстное злоупотребление властью или служебным положением виновный должен быть привлекаем в тех случаях, когда корысть его была направлена на приобретение социалистического имущества. То же относится и к ст. ст. 110 и 120 УК РСФСР. Само совершение подлога в целях хищения социалистического имущества при неоконченном хищении является приготовлением к преступлению и должно квалифицироваться по ст. 19 и соответствующей статье Указа от 4 июня 1947 года. При отсутствии же цели хищения подлог документов, совершенный должностным лицом, («должностной подлог») квалифицируется по ст. 120 УК РСФСР, а подлог, совершенный не должностным лицом, — соответственно по ст. 72 или 170 УК РСФСР. Если же виновный, злоупотребив, например, своим служебным положением, нанес ущерб частным лицам, обогатившись за их счет, то его действия должны квалифицироваться по ст. 109 УК РСФСР. Так, по делу Брилина Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 19 марта 1948 г. указал, что поскольку Брилин, будучи председателем заводского комитета, используя свое служебное положение, незаконно обогатился за счет рабочих, переполучив с них за путевки в дома отдыха 3657 руб., его действия прямо предусмотрены ст. 109 УК РСФСР.

Таким образом, объективная сторона хищения социалистического имущества может быть различной, являясь объективной стороной составов кражи, присвоения, мошенничества, злоупотребления служебным положением, разбоя, вымогательства, причем понятие кражи и разбоя, как отмечалось, конструируется иначе, чем по УК союзных республик.

Оконченным хищение является в зависимости от того, каким способом оно совершается. Так, при краже хищение закон-

чено с переходом имущества во владение виновного; разбой является законченным, как только имело место нападение с насилием (как и при разбое по УК союзных республик), и т. п.

С субъективной стороны хищение социалистического имущества может быть преступлением, совершаемым только умышленно и притом с прямым умыслом, поскольку кража, разбой, присвоение и иные способы хищения могут совершаться только с прямым умыслом. Хищение является корыстным преступлением. Необходима поэтому и специальная цель — цель присвоения социалистического имущества. Верховный суд СССР в постановлении Пленума по одному делу 26 сентября 1947 г. подчеркнул, что хищение «всегда предполагает корыстные мотивы, т. е. изъятие имущества с целью обращения его в свою собственность». Таким обращением в свою собственность будет, например, и хищение снегозащитных щитов с целью употребления их в качестве дров.

Не будет хищением изъятие социалистического имущества в интересах законного владельца. Захват корма, предназначенного для свиней, конюхом — для лошадей совхоза, не получивших корма, должен расцениваться как нарушение установленного порядка расходования и учета кормов, влекущее дисциплинарную ответственность, а не как хищение социалистического имущества.

Субъектом хищения может быть всякое физическое вменяемое лицо, достигшее 12 лет, поскольку хищение выразилось в краже (в смысле Указа от 4 июня как тайном, так и открытом похищении) и в разбое в соответствии с законом от 1 апреля 1935 г. (ст. 12 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Субъектом хищения путем мошенничества, присвоения, растраты и вымогательства может быть лицо, достигшее 14 лет.

С изданием Указов от 4 июня 1947 г. сохраняют свою силу постановления СНК СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством», изданный на основании этого постановления приказ народного комиссара юстиции СССР от 19 июня 1943 г., а равно директивное письмо Верховного суда СССР и Прокуратуры СССР от 21 июля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних».

В случае совершения несовершеннолетними от 12 до 16 лет незначительных хищений суды должны ставить перед собой вопрос, не является ли более целесообразным прекратить уголовное преследование и отдать несовершеннолетнего на поруки родителям, опекунам или же, в случае неблагоприятной семейной или бытовой обстановки, направить его в трудовую воспитательную колонию.

Указ от 4 июня 1947 г. значительно увеличивает наказание за хищение социалистического имущества. Было бы нецелесообразно обрушивать всю мощь санкций Указа от 4 ию-

ня на несовершеннолетних, в особенности на недостигших 16 лет. В этом отношении суды могут руководствоваться пунктом «з» ст. 48 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, рассматривающими как смягчающее вину обстоятельство совершение преступления лицом, не достигшим совершеннолетия, и назначать, на основании ст. 51 УК РСФСР, наказание ниже предела, установленного в Указе от 4 июня, а в иных случаях прибегать и к условному осуждению (ст. 53 УК).

В своей статье «Против извращения смысла Указов от 4 июня 1947 г.» председатель Верховного суда СССР т. Голяков подчеркивает, что суды и прокуроры должны особенно чутко и внимательно относиться к делам о кражах, совершенных подростками. В отношении их необходимо строго различать, встал ли подросток на преступный путь и поэтому к нему необходимо применить суровое наказание, или же кража носит мелкий и случайный характер. В последнем случае, как указывает т. Голяков, вовсе не исключена возможность разрешения дела и без судебного приговора, в соответствии с постановлением СНК СССР от 15 июня 1943 г. («Социалистическая законность», 1947 г., № 11).

В своем протесте, рассмотренном и удовлетворенном Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР 26 ноября 1947 г., протесте, поддержанном и Генеральным прокурором, председатель Верховного суда СССР предложил отменить определение Коллегии по уголовным делам Московского городского суда по делу Т. Подросток Т. 13 лет 31 июля 1947 г. совершил кражу у соседки по квартире и был осужден к пяти годам лишения свободы условно, с испытательным сроком на пять лет. Определяя условное осуждение, суд сослался на возраст Т., на имеющуюся о нем положительную характеристику и его первую судимость. Этот приговор «за мягкостью» был опротестован прокурором в кассационном порядке. Определением Московского городского суда приговор был отменен.

В своем протесте председатель Верховного суда СССР указывал, что в деле имеются две характеристики на Т. Одна из них выдана управдомом, в которой Т. характеризуется с отрицательной стороны. Школьная же характеристика является в высшей степени положительной. В ней указывается, что Т. мальчик старательный, исполнительный, хорошо учится, любит чтение и много читает, посещает школу и живет дружно с коллективом, порученную работу выполняет аккуратно и своевременно. В характеристике указывается, что Т. нуждается в организованном отдыхе.

По всем данным Т. не может рассматриваться как мальчик, оторванный от коллектива и ставший на преступный путь. Кража, совершенная им, является случайным эпизодом и, судя по характеристике педагога, объясняется тем, что соот-

ветствующие организации и родители не сумели создать для Т. подходящую внешкольную обстановку, в которой он мог бы проявить свои положительные качества, несомненно, имеющиеся у него и которые выявляются в надлежащей обстановке, как, например, в школе.

По изложенным соображениям председатель Верховного суда СССР пришел к выводу, что народный суд правильно оценил все обстоятельства дела и правильно назначил Т. условное наказание.

Директивное письмо Верховного суда СССР и Прокуратуры СССР от 21 июля 1935 г. о мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних предлагало судам в случае вынесения приговора с условными мерами наказания, а также отдачей на поруки, с мерами общественно-воспитательного характера (порицание, предостережение) — обязательно проверять результаты через общественный актив.

Вопрос о правильном применении Указов от 4 июня 1947 г. представляется настолько важным, что Пленум Верховного суда СССР счел необходимым 17 февраля 1948 г. принять специально руководящее постановление «О применении Указов от 4 июня 1947 г. в отношении несовершеннолетних». Мы предлагаем самым внимательным образом изучить это постановление, даваемое нами в качестве приложения.

в) Виды хищения социалистической собственности

I. По объекту, как уже отмечалось, Указ от 4 июня различает хищение государственного и хищение общественного имущества.

Понятие простого хищения, по существу, уже раскрыто нами путем анализа «общего состава» хищения социалистической собственности. В Указе оно определяется как «кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного имущества» (ст. 1 Указа) или как «кража, присвоение, растрата или иное хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества» (ст. 3 Указа). Простым хищение является при отсутствии признаков, указанных в ст. ст. 2 и 4 Указа.

Простое хищение государственного имущества карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от семи до десяти лет, с конфискацией имущества или без таковой. Простое хищение общественного имущества карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пяти до восьми лет, с конфискацией имущества или без таковой.

II. К в а л и ф и ц и р о в а н н ы м становится хищение по Указу при наличии одного из трех признаков, а именно: хищение, совершенное повторно, организованной группой (шайкой) или в крупных размерах (ст. ст. 2 и 4 Указа).

1) Понятие «повторности» сперва было разъяснено

в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 26 ноября 1947 г. по делу Петлина. Мы читаем в определении:

«Указы от 4 июня 1947 г. не определяют понятия повторности, как оно не определяется и в УК РСФСР в ст. 162 п. «б». Судебная практика и теория считают, что для понятия повторности по УК не требуется, чтобы виновный отбыл наказание или был судим за первую кражу. Необходимо, чтобы им были совершены, по меньшей мере, две кражи. Нет оснований предполагать, что Указы от 4 июня 1947 г. иначе понимают повторность».

«Вместе с тем, при установлении понятия повторности как по УК, так и по Указам от 4 июня 1947 г. необходимо руководствоваться принципом, выраженным в ст. 47 п. «в¹» УК РСФСР. УК рассматривает совершение преступления лицом, уже ранее совершившим какое-либо преступление, как обстоятельство, увеличивающее вину и ответственность, но кроме случаев, когда лицо признается несудившимся (ст. 55 УК РСФСР) или когда со дня совершения преступления истекли давностные сроки (ст. ст. 14 и 15 УК РСФСР)».

«Если мы не применим этот принцип к понятию повторности, то тем самым аннулировались бы нормы о снятии судимости и о давностных сроках. Мы должны были бы считать кражу «повторной», хотя бы первая кража была бы совершена за двадцать и более лет. Между тем, именно протечение сравнительно незначительных сроков между первой и второй кражей может служить показателем укоренившейся или укореняющейся привычки виновного к паразитическому способу добывания средств существования».

В руководящем постановлении от 19 марта 1948 г. «О применении Указов от 4 июня 1947 г. Пленум Верховного суда СССР, определяя понятие «повторности», воспроизвел положения, высказанные в приводимом нами определении Судебной коллегии по уголовным делам от 26 ноября 1947 г., но в более сжатом виде.

«Повторность, как квалифицирующий признак, следует, — говорится в постановлении, — применять как в тех случаях, когда подсудимый имеет уже судимость за ранее совершенное хищение, так и в тех случаях, когда суд установит, что подсудимый совершил два хищения и более, хотя бы и не был осужден ранее ни за одно из этих хищений. При этом повторность признается и в тех случаях, если ранее совершенное хищение имело место до издания Указов от 4 июня 1947 г. Ранее совершенное хищение не может учитываться в качестве квалифицируемого признака только в том случае, если по этому преступлению снята или погашена судимость, либо истекли давностные сроки (ст. ст. 14, 15 и 55 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик)».

Поскольку Указ от 4 июня 1947 г. говорит о повторности хищения государственного или общественного имущества, независимо от вида хищения, повторным будет хищение, имевшее место после хищения любого вида (например, кража после растраты, растрата после мошенничества и т. д.).

Хищение государственного имущества после хищения общественного имущества и наоборот, поскольку и в том, и в другом случае имеется посягательство на социалистическое имущество, должно рассматриваться как повторное. Но хищение социалистического имущества после кражи личного имущества граждан не может рассматриваться как повторное хищение государственного или общественного имущества.

Будет квалифицированным хищение государственного или общественного имущества, если первое хищение того или другого имущества имело место до издания Указа 4 июня 1947 г. Здесь не будет нарушения принципа, что более суровый закон не имеет обратной силы. Поскольку второе хищение совершается после издания Указа 4 июня 1947 г., виновный становится рецидивистом после издания и на основании этого указа, и потому к нему должны быть применены положения о повторном хищении.

2) Вторым квалифицированным признаком является хищение, «совершенное организованной группой (шайкой)».

Советскому уголовному праву известно понятие соучастия как умышленного совершения сообща несколькими лицами умышленного преступления.

Участие нескольких лиц в совершении преступления облегчает, по общему правилу, его выполнение. Не случайно советский закон в качестве отягчающего обстоятельства предусматривает совершение преступления «группой» (ст. 47 п. «в» УК РСФСР), т. е. несколькими лицами сообща. В Особенной части УК в некоторых случаях как обстоятельство, квалифицирующее преступление, рассматривается совершение преступления «группой лиц». Положение о воинских преступлениях в качестве квалифицированного рассматривает неисполнение приказа (ст. 193² п. «в»), оказание сопротивления (ст. 193³ п. «б») и принуждение (ст. 193⁴ п. «б» УК РСФСР), совершенные «группой лиц».

В приведенных случаях не требуется, чтобы соучастие было по предварительному соглашению. Совершение преступления по предварительному соглашению представляется, по общему правилу, более опасным видом соучастия, чем соучастие без предварительного соглашения.

Советский закон в ряде случаев как отягчающее вину обстоятельство рассматривает именно соучастие по предварительному соглашению. Так, особо предусматриваются непла-

теж налога, неуплата военного налога, совершаемые «группой лиц» по предварительному соглашению» (ст. ст. 60 ч. 2 и 60¹ ч. В УК РСФСР). «Сговор группы» является обстоятельством квалифицирующим отказ от выполнения повинностей (ст. 61 ч. 2 УК). Ст. 62 УК РСФСР предусматривает «организованное по взаимному соглашению» сокрытие количества предметов, подлежащих обложению. До Указа от 4 июня 1947 г. ст. 162 п. п. «г» и «д» предусматривала в качестве квалифицированной кражу, совершенную «по сговору с другими лицами».

Наконец, как о наиболее опасной форме соучастия советское уголовное право говорит о преступном сообществе. Так, ст. 58¹¹ УК РСФСР предусматривает «контрреволюционную организацию», ст. 59³ говорит о «вооруженной банде», ст. 59⁹ УК в связи со ст. 166 Таможенного кодекса СССР предусматривает организацию, специально занимающуюся контрабандой, а ст. 129-а УК — «лжекооперативную организацию».

Общим образом, как об обстоятельстве, увеличивающем вину, говорит ст. 47 п. «в» предусматривающая «совершение преступления группой или бандой». Совершении преступления «бандой», противопоставляя последнюю «группе».

В Указе от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» шайка определяется как «организованная группа». Для наличия группы достаточно участия в преступлении двух лиц.

Под шайкой следует понимать не просто случайную группу сообщников, а группу, образовавшуюся путем предварительного сговора со специальной целью хищения социалистического имущества или имущества частных граждан. Не обязательно, чтобы группа организовалась для совершения нескольких хищений, группа может образоваться для совершения и одного хищения.

В постановлении от 12 декабря 1947 г. по делу Баранова Пленум Верховного суда СССР указал, что нет организованной группы, когда хищение было произведено одним лицом, а другие лица без предварительного о том соглашения приняли участие в укрывательстве похищенного.

Не прав проф. Дурманов, полагающий (в указанной выше статье), что для шайки требуется организация группы в целях совершения неопределенного числа хищений.

Неправильным является утверждение проф. Дурманова, что в отдельных случаях, когда участник шайки принимал участие только в единичном хищении, караемом по ст. ст. 1 и 3 Указа, и когда только это единичное хищение охватывалось его умыслом, возможна ответственность «такого участника шайки» не по ст. ст. 2 или 4, а по ст. ст. 1 или 3 Указа.

В постановлении совещания министра юстиции СССР, Генерального прокурора СССР и председателя Верховного суда СССР от 30 октября 1947 г. справедливо указывается, что проф. Дурмазов, определяя понятие преступной группы (шайки), дает такое толкование, которое ограничивает применение закона к наиболее опасным преступникам, которое ориентирует судей и прокуроров на ослабление борьбы с наиболее опасными преступлениями, что наносит вред делу борьбы с этого рода преступлениями.

В руководящем постановлении «О применении Указов от 4 июня 1947 г.» Пленум Верховного суда СССР следующим образом разъяснил понятие «организованной группы».

«Под организованной группой или шайкой следует, говорит постановление, понимать группу из двух или более лиц, предварительно организовавшихся для совершения одного или нескольких хищений. При этом ответственность по соответствующим статьям Указов от 4 июня 1947 г. несут не только организаторы, но и участники организованной группы (шайки)».

«Поскольку Указы от 4 июня 1947 г. предусматривают ответственность не за участие в организованной группе (шайке), а за хищение, совершенное такой группой, суды должны иметь в виду, что в тех случаях, когда группа не осуществила целей, для которых она была создана, следует руководствоваться ст. 19 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, т. е. правилами, предусмотренными для случаев приготовления и покушения».

Указанное руководящее постановление является чрезвычайно важным. Из него вытекает, что не всякое хищение, совершенное двумя или более лицами, является квалифицированным хищением. Требуется более существенные, «организационного» характера моменты. Конечно, установление этих моментов может иметь место при учете всех обстоятельств конкретного дела.

В отличие от Указа «Об усилении охраны личной собственности граждан», предусматривающего «всеровскую шайку», Указ об ответственности за хищение социалистической собственности говорит о шайке вообще. Тем самым, для наличия шайки по этому Указу безразлично, образовалась ли она для хищения социалистического имущества путем кражи, присвоения или иным путем.

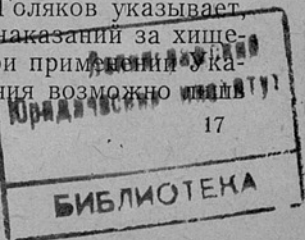
3) «Крупные размеры» по Указу от 4 июня следует понимать как более или менее значительное количество денег, продовольственных или промышленных товаров. Необходимо иметь в виду, что в отличие от УК (ст. 162 п. «д» УК РСФСР) Указ от 4 июня говорит не об «особо» крупных, а просто о «крупных» размерах. Нельзя точно указать, начиная с какой суммы похищенных денег, с какого количества похи-

щенного зерна, масла и т. п. хищение будет считаться «крупным». Суд должен учитывать обстоятельства конкретного дела. Так, кража нескольких десятков килограммов посевного зерна во время посевной кампании должна рассматриваться как крупное хищение.

4) Указ от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности» значительно суровее, чем кражу, карает разбой. Даже простой разбой карается строже, чем простое хищение социалистического имущества (заключение в исправительно-трудовом лагере на срок от десяти до пятнадцати лет). Поскольку по Указу от 4 июня «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» под «иное» хищение подойдет и разбой, то получается, что разбойное нападение на личное имущество карается строже разбойного нападения на социалистическую собственность. Такой вывод противоречил бы общему смыслу обоих Указов от 4 июня, в которых самым отчетливым образом выражена мысль законодателя о более усиленной уголовно-правовой охране именно социалистического имущества. Необходимо прийти к заключению, что мы имеем перед собой пробел закона, который подлежит пополнению путем аналогии (ст. 16 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Хищение социалистического имущества путем разбойного нападения (понятие это раскрывается в Указе от 4 июня «Об усилении охраны личной собственности граждан») должно поэтому рассматриваться как квалифицированное хищение социалистического имущества (ст. ст. 2 и 4 Указа).

Квалифицированное хищение государственного имущества карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от десяти до двадцати пяти лет, с конфискацией имущества; такое же хищение общественного имущества — заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от восьми до двадцати лет, также с конфискацией имущества.

Судебной практике пришлось столкнуться с вопросом о допустимости смягчения наказания в порядке ст. 51 УК РСФСР или применения условного осуждения по преступлениям, предусмотренным Указами от 4 июня 1947 г. Этот вопрос получил должное освещение в статье председателя Верховного суда СССР («Социалистическая законность». № 11, 1947 г.). Как указывает т. Голяков, само усиление наказаний за хищения свидетельствует о том, что законодатель считает хищения тяжкими преступлениями, «исключая тем самым назначение наказания ниже предельного по закону без серьезнейших к тому оснований». Т. Голяков указывает, что новый закон не запрещает смягчения наказаний за хищения, но что суды должны понимать, что при применении Указов от 4 июня 1947 г. «смягчение наказания возможно только

как редкое исключение, когда подобное смягчение вытекает из всего своеобразия дела». Совершенно правильно подчеркивает т. Голяков, что, смягчая наказание или применяя условное осуждение, суды должны не механически исходить из задач специального предупреждения («по трафаретному мотиву: отсутствие оснований для изоляции виновного от общества»), а диалектически сочетать задачи общего и специального предупреждения. «В приговоре, — пишет т. Голяков, — должны быть приведены настолько веские мотивы, чтобы они не противоречили бы духу Указов и были бы достаточно убедительны и для широких масс» (разрядка наша).

г) Недонесение о хищении социалистического имущества

Согласно УК союзных республик недонесение о совершенном или готовящемся преступлении должно караться лишь в случаях, законом указанных. Недонесение о хищении социалистической собственности УК не предусматривалось. Не предусматривалось недонесение и законом от 7 августа 1932 г. Вопрос разрешен постановлением Верховного суда РСФСР от 27 июня 1933 г. В постановлении указывалось: «Учитывая, что хищение (воровство) социалистической собственности является преступлением против основ советского строя, недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении социалистического имущества должно квалифицироваться по ст. 58¹² УК».

Указ от 4 июня 1947 г. устанавливает наказуемость недонесения о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества, предусмотренном ст. ст. 2 и 4 Указа, т. е. квалифицированным хищением.

В качестве наказания предусматривается лишение свободы на срок от двух до трех лет или ссылка на срок от пяти до семи лет. По ст. 58¹² УК РСФСР санкцией за недонесение было лишение свободы на срок не ниже 6 месяцев.

II

УСИЛЕНИЕ ОХРАНЫ ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН

а) Цели издания Указа от 4 июня 1947 г.

Нормы советского уголовного права, направленные на защиту личной собственности граждан, давно уже нуждались в коренной реформе. Нормы УК РСФСР 1926 г. и УК других союзных республик воспроизводили нормы УК РСФСР 1922 г. Советский законодатель установил в УК 1922 г. весьма мягкие санкции за корыстные посягательства против имущества граждан. Так, кража, совершенная в первый раз, без каких-либоотягчающих условий, каралась исправительно-трудовыми работами или лишением свободы на срок до 6 месяцев. Квалифицированная кража, в частности кража, совершенная «лицом занимающимся кражами как профессией», каралась лишением свободы до двух лет. Только санкция за конокрадство — лишение свободы на срок не ниже двух лет — давала некоторую возможность для борьбы с этим преступлением.

УК РСФСР 1926 г. в вопросе о наказуемости кражи пошел еще далее, чем УК 1922 г. Наказание за простую кражу было снижено до 3 месяцев исправительно-трудовых работ или лишения свободы; предусматривалась, как более легкая, кража, совершенная «вследствие нужды и безработицы, в целях удовлетворения минимальных потребностей, своих или семьи». Кража «повторная», т. е. квалифицированная, каралась лишением свободы до 6 месяцев, а совершенная «неоднократно» — лишением свободы до одного года. Остальные виды квалифицированной кражи, кроме кражи лошади или крупного скота и кражи огнестрельного оружия, карались лишением свободы до двух лет или исправительно-трудовыми работами на срок до одного года (ст. 162 п. «г» УК РСФСР). Но и конокрадство по новому кодексу каралось легче, поскольку за него был установлен лишь максимум лишения свободы и притом до восьми, а не до десяти лет. Грабеж даже с насилием карался лишением свободы только до 3 лет. Не все УК союзных республик воспроизвели постановления УК РСФСР. Некото-

рые из них предусмотрели более суровые санкции и за простую кражу — до одного года и двух лет лишения свободы, за квалифицированную — до трех, пяти и даже восьми лет (вооруженная кража). Но во всех советских кодексах указывался только максимум лишения свободы.

Ко времени принятия Конституции 1936 г. социально-политическая обстановка резко изменилась. В нашей стране победил социализм. Капитализм был полностью ликвидирован во всех сферах народного хозяйства. Полностью была изжита безработица. Наряду с социалистической собственностью, как господствующей формой собственности, Сталинская Конституция говорит и о «личной собственности». В условиях социализма личная собственность неразрывно связана с социалистической собственностью. Она основана на труде, право на который «обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы» (ст. 18 Конституции).

Согласно Конституции право личной собственности охраняется законом. Но УК, изданные в 20-х годах, как это видно из сказанного, совершенно недостаточно охраняли эту личную собственность. «Между тем, — как вполне справедливо указывает И. Т. Голяков, — охрана личного имущества граждан... является важнейшей обязанностью органов правосудия. Личная собственность граждан в нашей стране — результат их многолетней трудовой деятельности, результат их труда на пользу социализма. И нельзя терпеть, чтобы плодами многолетней трудовой деятельности труженика социалистического государства воспользовались преступные элементы, которые не желают трудиться сами, а хотят жить за чужой счет».

Как замечает тот же автор, само название нового закона, «Закон об усилении охраны личной собственности граждан», «говорит о глубоком политическом содержании» («Социалистическая законность», 1947 г., № 9).

б) Общий состав кражи по Указу от 4 июня 1947 г.

В отличие от Указа от 4 июня об охране социалистической собственности Указ об охране личной собственности предусматривает не все корыстные посягательства на личную собственность граждан. Остаются в силе постановления УК о присвоении, мошенничестве, вымогательстве. Это можно объяснить тем, что упомянутые посягательства не являются столь частыми и потому не столь опасны, как кража и разбой, предусмотренные Указом от 4 июня.

Постановления Указа о краже и разбое не только усиливают наказание за эти преступления, но вносят существенные изменения и в самое их понятие.

До Указа от 4 июня 1947 г. кражей в советском уголовном праве считалось тайное похищение чужого имущества. Открытое похищение рассматривалось как грабеж или разбой.

Указ от 4 июня определяет кражу как «тайное или открытое похищение имущества граждан». Таким образом, кражей является «ненасильственное» похищение чужого имущества (объективная сторона). Насильственное же похищение чужого имущества рассматривается Указом как разбой.

Объектом кражи попрежнему является чужое имущество, понимаемое в смысле вещи, т. е. всякого материального предмета. Под это понятие подойдут и такие предметы, как документы, например, квитанция на получение имущества. Похитивший номерок на сданное на хранение в гардероб пальто и получивший это пальто будет отвечать за кражу, а не за мошенническое приобретение чужого имущества. Иное толкование противоречило бы Указу от 4 июня 1947 г., усиливающему охрану личной собственности. С субъективной стороны, кража может быть совершена только с прямым умыслом и со специальной корыстной целью — присвоение чужого имущества в свою собственность.

Субъектом кражи может быть, на основании закона от 7 апреля 1935 г., лицо, достигшее 12 лет. (Сказанное выше о несовершеннолетних как о субъекте хищения социалистического имущества относится и к краже личной собственности граждан).

Принципиальное значение имеет определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 13 марта 1946 г. по делу о подростке К., осужденном одним из народных судов г. Москвы за «семейную кражу» по п. «в» ст. 162 УК РСФСР к одному году лишения свободы.

Судебная коллегия приговор народного суда отменила и дело прекратила производством по следующим основаниям.

Коллегия указала, что суд дал неправильную правовую оценку установленным на суде фактам. Суд не учел, что к квалификации ряда противоправных действий, совершенных внутри семьи, нельзя подходить с обычной оценкой, отвлекаясь от того факта, что наличие особых отношений, связывающих членов семьи, особых прав и обязанностей, вытекающих из самого факта принадлежности к семье, придают особый характер совершаемым в семье противоправным действиям. Это должно быть особенно учтено при оценке имущественных отношений, в частности, таких действий, как семейные кражи. Если с внешней стороны эти действия могут показаться содержащими все признаки настоящей кражи, то при учете того, что члены семьи связаны взаимными элементарными обязанностями и совместным пользованием семейным имуществом, в этих действиях в большинстве случаев надо признать наличие

самоуправства, а не кражи. Такой характер имеют, в частности, кражи, совершаемые детьми у родителей.

Вместе с тем, Судебная коллегия указала, что такого рода противоправные действия, совершаемые в семье, не представляют той степени общественной опасности, которая требовала бы возбуждения уголовного преследования по инициативе публичной власти, независимо от наличия или отсутствия жалобы заинтересованного лица. Следует поэтому признать недопустимым возбуждение уголовного преследования за кражи, совершаемые детьми у родителей, если последние не обращаются с такой просьбой ввиду безуспешности тех мер воспитания, которые они вправе и обязаны применять.

Руководящее постановление Пленума Верховного суда СССР от 17 февраля 1948 г. воспроизвело эти положения как руководящие указания (см. приложение № III).

в) Виды кражи

Указ от 4 июня упрощает постановления о краже. Все постановления о ней выражены в одной статье Указа (ст. 1). Указ различает простую и квалифицированную кражу. Простая кража (ч. 1 ст. 1) — это кража, совершенная без квалифицирующих признаков, указанных во второй части ст. 1. Этими признаками являются «повторность» и совершение кражи «воровской шайкой». Тем самым, всякого рода признаки, квалифицировавшие кражу по УК, как-то: применение технических средств, кража в местах общественного пользования, кража во время общественного бедствия и т. п., охватываются в настоящее время (при отсутствии повторности или шайки) понятием простой кражи.

Отказ от использования ряда признаков, квалифицировавших кражу в УК, не означает смягчения репрессии. Наоборот, в качестве наказания за простую кражу закон устанавливает заключение в исправительно-трудовом лагере на срок от пяти до шести лет. Усиление наказания мы усматриваем не только в максимуме санкции, но и в повышенном минимуме, и в установлении тесных рамок для судейского усмотрения. Санкция ст. 1 Указа об усилении охраны личной собственности — от 5 до 6 лет — приближается к абсолютно определенной санкции.

Установление столь высокого минимума за простую кражу носит принципиальный характер. Установление такого минимума, в первую очередь, преследует задачи общего предупреждения. Законодатель резко порывает с системой санкций за кражу личной собственности, которая не оказывала воздерживающего влияния на случайных и неслучайных воров.

Указ от 4 июня 1947 г. упростил и систему квалифицированной кражи. По УК кража квалифицировалась по объекту (кра-

жа имущества, необходимого для существования потерпевшего, кража лошадей или иного крупного скота), по объективной стороне (в местах общественного пользования, ночная кража), по субъекту (кража повторная, неоднократная, по предварительному сговору, вооруженная кража) и т. п. Указ от 4 июня квалифицирует кражу личного имущества лишь по двум признакам: повторность кражи и совершение кражи «воровской шайкой».

Повторность следует понимать, как и повторность при хищении социалистического имущества, в смысле совершения второй кражи, причем не требуется, чтобы вторая кража была совершена после отбытия наказания или осуждения. По буквальному тексту Указа для повторности требуется повторное совершение кражи личного имущества. Но духу Указа соответствует толкование, что кража личного имущества, совершенная после хищения социалистического имущества, должна рассматриваться как повторная.

Вторым квалифицирующим признаком является совершение кражи «воровской шайкой». Поскольку Указ от 4 июня об уголовной ответственности за хищение социалистического имущества определяет шайку как организованную группу, это определение должно быть применено и к шайке, о которой говорит Указ об усилении охраны личной собственности. Характерным для этой шайки является ее особая направленность. Эта шайка является «воровской», т. е. является группой, организованной для совершения кражи или краж имущества у граждан тайно или открыто, но без применения насилия.

Квалифицированная кража карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от шести до десяти лет.

Указ ограничивает понятие квалифицированной кражи личной собственности двумя признаками. Но законодатель выбрал признаки, представляющие как раз наибольшее значение. Указ от 4 июня знаменует собой осуществление действенной борьбы с наиболее опасными элементами — с рецидивистами и с профессиональными ворами. Санкция за квалифицированную кражу личного имущества имеет в виду задачи не только общего, но и специального предупреждения. Совершенно справедливо замечает И. Т. Голяков в цитированной выше статье, что «борьбу за охрану имущества граждан нужно вести более оперативно и обеспечить такие меры воздействия на воров, чтобы эти преступники были изолированы от общества как можно скорее и на долгий срок».

г) Общий состав разбоя

Указ от 4 июня 1947 г. упразднил понятие грабежа, как открытого похищения без насилия и с насилием. Первый вид

грабежа Указ рассматривает как кражу, второй охватывается понятием разбоя. До Указа от 4 июня разбой в советском уголовном праве понимался как открытое нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием, «опасным для жизни и здоровья». Степенью опасности насилия и отграничивался разбой от грабежа.

Объект разбоя двойной. Разбой рассматривается Указом, как и прежде, в качестве имущественного преступления. Объектом разбоя является имущество, понимаемое в смысле вещи. Но наряду с имуществом объектом разбоя является и личность потерпевшего. Объективная сторона при разбое заключается в открытом нападении на личность в целях завладения его имуществом. В зависимости от степени опасности насилия или угроз разбой может быть простым или квалифицированным. Применение какого бы то ни было насилия над личностью и угрозу применить такое насилие отныне советский законодатель рассматривает как разбой и карает строже, чем квалифицированную кражу. В этом сказалась забота советского законодателя о личности гражданина.

Разбой является оконченным, как только произошло нападение на личность. Не требуется завладения имуществом, как при краже.

В практике могут быть случаи, когда виновный похищает чужое имущество без применения насилия, но, застигнутый хозяином имущества, применяет насилие в целях удержания похищенного имущества. Такого рода случаи следует рассматривать как разбой, а не как совокупность двух преступлений — кражи и применения насилия над личностью.

С субъективной стороны, разбой может быть только умышленным преступлением. Нападение на личность должно быть произведено со специальной целью завладения чужим имуществом. Корыстный мотив играет здесь такую же роль, как и при краже. В прежней практике был такой случай. Двое супругов напали на одного гражданина и, применив некоторое насилие, отняли у него несколько килограммов муки. Суд пришел к заключению, что здесь не было грабежа, поскольку супруги отняли ту муку, которую они имели основание считать своей, и что в данном случае имело место самоуправство.

Субъектом разбоя может быть всякое физическое лицо, достигшее 12 лет, но, конечно, при определении наказания должно быть учтено несовершеннолетие виновного. Формально состав насильственного похищения может быть и налицо, но не во всех случаях мы будем считать виновного несовершеннолетнего настоящим «разбойником».

д) Виды разбоя

Указ различает простой и квалифицированный разбой.

I. Простой разбой определяется законом как «нападение с целью овладения чужим имуществом, соединенное с насилием или с угрозой применения насилия» (ч. 1 ст. 2 Указа). Простым является разбой, не отягченный признаками, характерными для квалифицированного разбоя (ч. 2 ст. 1 Указа)

Карается простой разбой заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от десяти до пятнадцати лет. Усиление наказания по сравнению с УК весьма значительное, поскольку грабеж с насилием, а таковым с точки зрения УК и является разбой предусмотренный Указом, карался лишь лишением свободы до пяти лет.

II. К квалифицированным случаям относятся:

1) Разбой, соединенный с насилием, опасным для жизни и здоровья, или с угрозой смерти или тяжкого телесного повреждения. Отсюда можно сделать заключение, что квалифицированным будет разбой, повлекший за собой смерть, тяжкое телесное повреждение, или легкое телесное повреждение, хотя и не опасное для жизни, но причинившее расстройство здоровья (ст. 142 ч. 1 и ст. 143 ч. 1 УК РСФСР). Умышленное легкое телесное повреждение, не причинившее расстройства здоровья (ст. 143 ч. 2), должно рассматриваться как насилие, характерное для простого разбоя, если это не являлось способом выражения угрозы причинить смерть или тяжкое телесное повреждение. Наряду с причинением насилия в указанном объеме закон говорит и об угрозе, как средстве насильственного нападения. Но для квалифицированного разбоя требуется, чтобы виновный угрожал не насилием, опасным для здоровья, а угрожал причинить смерть или тяжкое телесное повреждение. В постановлении от 19 марта 1948 г. «О применении Указов от 4 июня 1947 г.» Пленум Верховного суда СССР указал, что «разбой, сопровождавшийся насилием, повлекшим смерть или тяжкое телесное повреждение потерпевшего, должен квалифицироваться как разбой, соединенный с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, т. е. по ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Советское уголовное право предусматривает особо убийство из корыстных целей. От корыстного убийства разбой, сопровождавшийся умышленным убийством, отличается моментом непосредственного нападения. Потерпевший мог при этом в момент нападения даже и не осознать, что на него производится нападение. Например, разбойник убивает выстрелом в затылок едущего вместе с ним пассажира. Ко-

рыстным убийство будет, когда оно совершается без непосредственного нападения, «незаметно», например, путем отравления.

2) Разбой, совершенный шайкой. Шайка — это организованная группа. Сказанное о шайке при краже относится и к шайке при разбое. Отличие заключается в субъективном моменте, в цели организации шайки. Шайка, предусмотренная ч. 2 ст. 2 Указа, организуется с целью совершения разбойного нападения.

УК наряду с разбоем предусматривал и бандитизм (ст. 59³ УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Для состава бандитизма требовалось наличие сплоченной группы и притом группы вооруженной. По Указу от 4 июня 1947 г. для наличия разбойничьей шайки не требуется вооруженности. Разбой, совершенный вооруженной шайкой, должен квалифицироваться по совокупности по части 2 ст. 2 Указа от 4 июня и по ст. 59³ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, поскольку за бандитизм при особо отягчающих обстоятельствах закон предусматривает наказание в виде заключения в исправительно-трудовом лагере на 25 лет.

В постановлении от 19 марта 1948 г. Пленум Верховного суда СССР указал, что «хищение имущества, совершенное при обстоятельствах, указанных в ст. 59—3 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик, должно квалифицироваться по этим статьям и соответствующим статьям Указов от 4 июня 1947 г. по совокупности».

3) Разбой, совершенный повторно. О понятии повторности сказано выше. Здесь достаточно отметить, что требуется повторное совершение разбоя, а не какого-либо другого имущественного преступления.

Квалифицированный разбой карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пятнадцати до двадцати лет. Минимум санкции свидетельствует о стремлении законодателя длительно изолировать особо опасных разбойников.

е) Недонесение о разбое

Недостатком УК было отсутствие наказуемости недонесения о разбое. Указом от 4 июня 1947 г. этот пробел пополнен. Ст. 3 Указа карает недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном разбое лишением свободы на срок от одного до двух лет или ссылкой на срок от четырех до пяти лет.

III

ВОПРОСЫ О ДЕЙСТВИИ ЗАКОНА ВО ВРЕМЕНИ

Указы от 4 июня 1947 г. не определяли, какие нормы советского уголовного права не должны более применяться к преступлениям, совершаемым после издания Указов. Чтобы внести единообразие в судебную практику, Пленум Верховного суда СССР принял 22 августа руководящее постановление «О порядке применения судами Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года». Пленум указал, что преступления, предусмотренные упомянутыми Указами, совершенные после их издания, подлежат квалификации по соответствующим статьям этих Указов. В связи с этим, как указывается в постановлении, не должны применяться: закон от 7 августа 1932 г., ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи и хулиганство» (ст. 1 Указа воспроизводится ст. 162 п. «е» УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик), а также ст. ст. 59^а (похищение огнестрельного оружия из складов и хранилищ Вооруженных Сил СССР), 116 (должностная растрата), 162 (кража), 165 (грабеж), 166 (похищение лошадей и крупного рогатого скота), 167 (разбой), 169 ч. 2 (мошенничество, в отношении социалистического имущества) УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик.

С изданием Указа от 4 июня, усилившего ответственность за хищение социалистической собственности, было бы неправильно применять ст. 109 УК РСФСР, поскольку корысть была направлена на социалистическое имущество. Такого рода посягательство мы должны квалифицировать, в зависимости от конкретных обстоятельств, по одной из первых четырех статей Указа об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества.

Указы должны применяться к преступлениям, совершенным после их издания. Но верховным судам союзных республик и Верховному суду СССР, в порядке надзора, придется еще рассматривать дела о преступлениях, совершенных до издания Указов от 4 июня 1947 г.

Принцип советского уголовного права совершенно ясен. Преступность и наказуемость деяния определяется уголовным законом, действовавшим в момент совершения преступления, но законы, устраняющие или смягчающие его наказуемость, имеют обратную силу (ст. 2 ч. 1 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Трудность заключается в том, что не во всех случаях ясно, какой закон должен считаться более строгим, новый или старый. Если судить по максимуму наказания, то тогда, конечно, вопрос разрешим просто. Но нельзя не учитывать и минимума наказания и пределы судейского усмотрения. Так, ст. 170 п. «е» УК Украинской ССР карает кражу общественного имущества лишением свободы до 10 лет. Такая же кража карается по ст. 3 Указа от 4 июня 1947 г. заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от 5 до 8 лет. Максимум нового закона выше максимума наказания по п. «е» ст. 170 УК Украинской ССР. Казалось бы, поэтому, что к преступлениям, совершенным до издания Указа, следует применять новый закон как более мягкий. Но в то время как по п. «е» ст. 170 минимум санкции не указан и можно виновного приговорить даже к нескольким месяцам лишения свободы, по новому закону за такое же преступление минимум определен законом в пять лет. Для Указов от 4 июня 1947 г. вообще характерны высокие минимумы: 5, 6, 7, 8, 10 и 15 лет. Даже и за недонесение минимум установлен в 1 и 2 года, тогда как по ст. 58¹² УК РСФСР за недонесение о контрреволюционных преступлениях минимум установлен в 6 месяцев лишения свободы. Указы характерны и в том отношении, что выбор наказания судом ограничивается довольно узкими рамками. Наконец, нельзя забывать и того обстоятельства, что Указы от 4 июня 1947 г. изданы в целях усиления наказания как за кражу и разбойное нападение на граждан, так и за хищение социалистического имущества. Следует, таким образом, прийти к заключению, что Указы от 4 июня 1947 г. являются более суровыми, чем старые законы, и потому не должны применяться к преступлениям, совершенным до издания Указов от 4 июня 1947 г. Но поскольку в некоторых случаях максимумы санкций по Указам от 4 июня могут быть ниже максимумов санкций старых законов, нам кажется, следует, руководствуясь духом ст. 2 УПК РСФСР, применяя старый закон, не выходить, однако, за рамки максимумов, установленных за те же преступления Указами от 4 июня. Пленум Верховного суда СССР по делу Кухаренко 26 сентября 1947 г. пришел к заключению, что назначение за недонесение о хищении социалистической собственности по ст. 58¹² УК РСФСР наказания в виде четырех лет лишения свободы по своей суровости не соответствует тяжести

совершенного Кухаренко преступления. «Несоразмерность такого наказания,—говорится в постановлении,—вытекает, в частности, и из того, что по Указу от 4 июня 1947 г., изданному в целях усиления борьбы с хищениями государственного и общественного имущества, максимальный размер лишения свободы за недоносительство установлен в три года».

СПбГУ

IV

ВОПРОСЫ СИСТЕМЫ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Закон от 7 августа 1932 г. не был включен в систему УК. В главе советских УК об имущественных преступлениях, наряду с посягательствами против социалистической собственности, предусматривались посягательства и против личной собственности. Растрата социалистического имущества рассматривалась среди должностных преступлений, хотя субъектом ее в большинстве советских УК могло быть и не должностное лицо.

В системе Особенной части учебника советского уголовного права (ВИУН) преступления, предусмотренные законом от 7 августа 1932 г., рассматривались как «государственные» наряду с контрреволюционными преступлениями и преступлениями особо опасными против порядка управления. Хищения, подпадающие под статьи УК, рассматривались среди «имущественных преступлений». Растрата социалистического имущества и в теоретическом курсе была отнесена к должностным преступлениям.

С изданием Указов от 4 июня 1947 г. соответствующие изменения должны быть внесены в систему Особенной части учебника советского уголовного права. К государственным преступлениям должны быть впредь относимы преступления контрреволюционные и особо опасные против порядка управления (часть первая учебника ВИУН). Новую вторую часть должны составлять «преступления против социалистической собственности», в которой должны излагаться корыстные и некорыстные посягательства против социалистической собственности. Третью часть составят преступления против личности, а четвертую — «преступления против личной собственности граждан». В этой части должен даваться анализ преступлений, предусмотренных Указом от 4 июня 1947 г. об усилении охраны личной собственности, и других преступлений корыстных и некорыстных, направленных против личной собственности граждан.

Указы от 4 июня 1947 г. предусматривают недонесение о квалифицированном хищении социалистического имущества, о квалифицированной краже и о квалифицированном разбое. Это преступление следует отнести к преступлениям против социалистического правосудия.

СПбГУ

V

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

С изданием Указов от 4 июня 1947 г. необходимо было внести ясность в вопросы подсудности дел о преступлениях, предусмотренных Указами от 4 июня 1947 г. Так, уголовно-процессуальные законы не разрешали вопроса, какому суду должны быть подсудны дела о квалифицированном хищении социалистического имущества, которые до Указов были подсудны краевому, или областному суду и т. п. (по закону от 7 августа 1932 г.), или народному суду (статьи УК, кроме ст. 59^а УК РСФСР, — похищение оружия из складов Вооруженных Сил СССР). Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 22 августа 1947 г. указал, что только дела о краже социалистического имущества «при крупных размерах похищенного» подсудны краевым, областным, окружным судам и верховным судам союзных и автономных республик. «Все остальные дела о преступлениях, предусмотренных Указами 4 июня 1947 г., подсудны народным судам». Таким образом, подсудны народным судам и дела о хищениях социалистического имущества, совершенных повторно или шайкой, а также и дела о разбое.

Существенное указание содержит постановление Пленума Верховного суда СССР от 22 августа 1947 г. о производстве предварительного следствия по преступлениям, предусмотренным Указами от 4 июня 1947 г. До издания этих Указов обязательным являлось производство предварительного следствия по делам, предусмотренным законом от 7 августа 1932 г., ст. 116, ч. 2 п. «б», ст. ст. 162, 165, ч. 3, ст. 167 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик (ст. 108 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Выделяя эти статьи, УПК руководствовались тяжестью санкций, за них установленных. Учитывая тяжесть санкций Указов от 4 июня 1947 г., Пленум Верховного суда СССР, руководствуясь общим духом советских уголовно-процессуальных кодексов, указал в своем постановлении от 22 августа 1947 г., что предварительное следствие является обязательным по всем делам о преступлениях, предусмотренных Указами от 4 июня 1947 г.

Приложение I

**Указ Президиума Верховного Совета СССР
от 4 июня 1947 г.**

Об усилении охраны личной собственности граждан

В целях усиления охраны личной собственности граждан Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Кража, то-есть тайное или открытое похищение личного имущества граждан —

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пяти до шести лет.

Кража, совершенная воровской шайкой или повторно — карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от шести до десяти лет.

2. Разбой, то-есть нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием или с угрозой применения насилия —

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

Разбой, соединенный с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой смертью или тяжким телесным повреждением, а равно совершенный шайкой либо повторно —

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пятнадцати до двадцати лет с конфискацией имущества.

3. Недонесение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном разбое —

карается лишением свободы на срок от одного года до двух лет или ссылкой на срок от четырех до пяти лет.

**Указ Президиума Верховного Совета СССР
от 4 июня 1947 г.**

Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества

В целях установления единства законодательства об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества и усиления борьбы с этими преступ-

лениями — Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного имущества —

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества или без конфискации.

2. Хищение государственного имущества, совершаемое повторно, а равно совершенное организованной группой (шайкой) или в крупных размерах —

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от десяти до двадцати пяти лет с конфискацией имущества.

3. Кража, присвоение, растрата или иное хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества —

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пяти до восьми лет с конфискацией имущества или без конфискации.

4. Хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества, совершаемое повторно, а равно совершенное организованной группой (шайкой) или в крупных размерах —

карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от восьми до двадцати лет с конфискацией имущества.

5. Недонесение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества, предусмотренном статьями 2 и 4 настоящего Указа —

карается лишением свободы на срок от двух до трех лет или ссылкой на срок от пяти до семи лет.

Приложение II

Постановление Пленума Верховного суда Союза ССР от 22 августа 1947 г.

О порядке применения судами Указов Президиума Верховного Совета Союза ССР от 4 июня 1947 г.

Ввиду вопросов, возникших в судебной практике в связи с изданием Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и «Об уголовной ответственности за хище-

ние государственного и общественного имущества», — Министр юстиции Союза ССР в порядке п. «в» ст. 7 Положения о Наркомюсте СССР вошел в Пленум Верховного суда Союза ССР с предложением дать судам по этим вопросам руководящие указания.

Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующие указания:

1. Преступления, предусмотренные упомянутыми Указами, совершенные после их издания, подлежат квалификации по соответствующим статьям этих Указов. В связи с этим не подлежат применению Закон от 7 августа 1932 г., ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и хулиганство», а также ст. 59-3а, 116, 162, 165, 166, 166-а, 167 и 169 ч. 2 Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик.

2. Дела о преступлениях, предусмотренных ст. 2 и 4 Указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» при крупных размерах похищенного — подсудны краевым, областным, окружным судам и верховным судам союзных и автономных республик. Все остальные дела о преступлениях, предусмотренных Указами от 4 июня 1947 г., подсудны народным судам.

3. По всем делам о преступлениях, предусмотренных Указами от 4 июня 1947 г., обязательно предварительное расследование. Направление этих дел в суды должно производиться прокурором.

Приложение III

Постановление Пленума Верховного суда Союза ССР от 17 февраля 1948 г.

О применении Указов от 4 июня 1947 г. в отношении несовершеннолетних

Судебная практика показывает, что, правильно восприняв значение Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан», суды вместе с тем подходят иногда недостаточно вдумчиво к де-

лам, по которым в качестве обвиняемых привлекаются несовершеннолетние в возрасте от 12 до 16 лет. Суды не всегда учитывают, что эти Указы направлены против преступных элементов, которые не желают честно трудиться, а хотят жить на чужой счет. Между тем, когда речь идет о детях и подростках в возрасте от 12 до 16 лет, которые по самому своему возрасту еще не приступили или только приступают к трудовой деятельности, отдельные случаи воровства не могут еще обычно рассматриваться как проявление паразитических стремлений, как стремление уклониться от общественно-полезной трудовой деятельности. Поэтому их действия не всегда носят характер той повышенной общественной опасности, которая требует применения суровых мер наказания к взрослым преступникам. Не учитывается, что нередко случаи воровства в этом возрасте продиктованы не корыстными побуждениями, а выступают скорее в форме своеобразного детского озорства, например, в случаях краж фруктов из садов или овощей с огородов.

Так, например, народный суд 2-го участка Куровского района, Московской области, приговорил по ст. 3 Указа от 4 июня 1947 г. к 5 годам лишения свободы Серова, 1933 г. рождения, который на колхозном поле накопал в шапку несколько килограммов картофеля, тут же у него отобранного. Баранов, 1932 г. рождения, был осужден к 7 годам лишения свободы за кражу на Егорьевской ткацкой фабрике 500 граммов крахмальной муки стоимостью в 1 р. 65 к.

В некоторых случаях суды осуждают подростков за мелкие кражи, совершенные ими у родителей или других близких членов семьи. Суды не учитывают, что в этих случаях нельзя подходить с обычной оценкой, отвлекаясь от особых отношений, связывающих членов семьи, совместно пользующихся семейным имуществом, когда при внешних признаках кражи действия обвиняемого приобретают скорее характер самоуправства.

Для устранения недочетов в судебной практике по делам о несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет, привлекаемых к уголовной ответственности по Указам от 4 июня 1947 г., Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующее руководящее указание:

1. Указать судебным органам, что с изданием Указов от 4 июня 1947 г. не утратило силы постановление Совнаркома СССР от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». В соответствии с этим постановлением и изданной, по поручению Совнаркома СССР, инструкцией НКВД, Наркомюста и Прокуратуры СССР от 21 июня 1943 г. суды в случае совершения хищений незначительных размеров несовершеннолет-

ними в возрасте от 12 до 16 лет должны ставить на свое обсуждение вопрос о прекращении дела в уголовном порядке за нецелесообразностью применения мер уголовного наказания и направлении обвиняемых в трудовые воспитательные колонии МВД.

Если, исходя из конкретных обстоятельств дела, суд по делам о мелких хищениях придет к выводу о нецелесообразности направления обвиняемого в трудовую воспитательную колонию, он вправе, прекращая своим определением дело в уголовном порядке, постановить о передаче обвиняемого на попечение родителей или опекунов с возложением на родителей или на органы народного образования либо опеки обязанности осуществлять повседневный надзор за поведением и воспитанием обвиняемого.

2. Указать судебным органам, что в тех случаях, когда дело в отношении несовершеннолетнего в возрасте от 12 до 16 лет не подлежит прекращению, суд может в необходимых случаях при наличии смягчающих обстоятельств назначить пониженное наказание в порядке ст. 51 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик или применить условное осуждение с приведением в обоих случаях в приговорах обоснованных мотивов смягчения наказания.

Применяя условное осуждение, суды не должны допускать, чтобы у несовершеннолетнего осталось чувство безнаказанности за совершенное им преступление. Ввиду этого суд должен разъяснить подсудимому значение испытательного срока и предупредить, что в случае совершения нового преступления он понесет наказание и за первое преступление. Одновременно суд обязан в приговоре или особым определением возложить на органы народного образования, опеки или на родителей обязанность осуществления повседневного надзора за поведением и воспитанием осужденного.

3. Обратить внимание судебных органов на недопустимость осуждения несовершеннолетних за отдельные мелкие хищения, носящие характер детского озорства (например, мелкая кража яблок в саду или овощей в огороде и т. д.).

Равным образом не допускать осуждения несовершеннолетних за кражу у родителей или других совместно проживающих с ними членов семьи, за исключением случаев, когда сами потерпевшие обратятся в соответствующие органы с просьбой о возбуждении против несовершеннолетнего дела в уголовном порядке.

Настоящее постановление не распространяется на случаи разбоя, хищений в крупных размерах, а равно на лиц, ранее осужденных за хищения, а также на организаторов и активных участников организованных групп (шак).

Постановление Пленума Верховного суда Союза ССР
от 19 марта 1948 г.

О применении Указов от 4 июня 1947 г.

Из рассмотренных в порядке надзора Верховным судом СССР дел о преступлениях, караемых по Указам от 4 июня 1947 г. видно, что судебные органы в ряде случаев неправильно определяют понятия организованной группы (шайки) и повторности как квалифицирующих признаков, предусмотренных ст.ст. 2 и 4 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а также ч. 2 ст. 1 и ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Равным образом, в некоторых случаях имеет место неправильная квалификация по делам о разбое.

Ввиду изложенного Пленум Верховного Суда СССР постановляет дать судам следующее руководящее указание:

1. Под организованной группой или шайкой следует понимать группу из двух или более лиц, предварительно сорганизовавшихся для совершения одного или нескольких хищений. При этом ответственность по соответствующим статьям Указов от 4 июня 1947 г. несут не только организаторы, но и участники организованной группы (шайки).

Поскольку Указы от 4 июня 1947 г. предусматривают ответственность не за участие в организованной группе (шайке), а за хищение, совершенное такой группой, суды должны иметь в виду, что в тех случаях, когда группа не осуществила целей, для которых она была создана, следует руководствоваться ст. 19 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, т. е. правилами, предусмотренными для случаев приготовления и покушения.

2. Повторность как квалифицирующий признак следует применять как в тех случаях, когда подсудимый имеет уже судимость за ранее свершенное хищение, так и в тех случаях, когда суд установит, что подсудимый совершил два хищения и более, хотя бы и не был осужден ранее ни за одно из этих хищений. При этом повторность признается и в тех случаях, когда ранее совершенное хищение имело место до издания Указов от 4 июня 1947 г. Ранее совершенное хищение не может учитываться в качестве квалифицируемого признака только в том случае, если по этому преступлению снята или погашена судимость, либо истекли давностные сроки (ст.ст. 14, 15 и 55 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

3. Разбой, сопровождавшийся насилием, повлекшим смерть или тяжкое телесное повреждение потерпевшего, должен квалифицироваться как разбой, соединенный с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, т. е. по ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

4. Хищение имущества, совершенное при обстоятельствах, указанных в ст. 59—3 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик, должно квалифицироваться по этим статьям и соответствующим статьям Указов от 4 июня 1947 г. по совокупности.

СПбГУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I. Уголовная ответственность за хищение социалистической собственности	
а) Цели издания Указа от 4 июня 1947 г.	4
б) Общий состав хищения социалистического имущества	7
в) Виды хищения социалистической собственности	12
г) Недонесение о хищении социалистического имущества	18
II. Усиление охраны личной собственности граждан	
а) Цели издания Указа от 4 июня 1947 г.	19
б) Общий состав кражи по Указу от 4 июня 1947 г.	20
в) Виды кражи	22
г) Общий состав разбоя	23
д) Виды разбоя	25
е) Недонесение о разбое	26
III. Вопросы о действии закона во времени	27
IV. Вопросы системы Особенной части уголовного права	30
V. Процессуальные вопросы	32
Приложение I	33
» II	35
» III	37
» IV	40

Редактор Г. И. Едвабный.

Л—77569 Сдано в наб. 20/XII—47 г. Под. к печати 19/V—1948 г.
Печ. л. 2,5 Уч.-изд. л. 2,5 Цена 2 руб. Тираж 5000 Зн. в п/л. 42,4 т.
Заказ 25/1909

Типография ЦО МВС СССР «Красная звезда», ул. Чехова, 16.